

Александрова О.Н.

УДК 82.31:7.046.1"19"

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН ЛАЙОША МЕШТЕРХАЗИ

«ЗАГАДКА ПРОМЕТЕЯ»

Аннотация. В статье Александровой О.Н. "Мифологический роман Лайоша Мештерхази «Загадка Прометей»" (Mesterházi Lajos, настоящее имя – Hoefstedter Lajos, 1916–1979; «A Prométheusz – rejtély», 1973) исследуется проблематика романа. В круг рассматриваемых проблем входят вопросы традиционности трактовки образа Прометей от античности до наших дней и новаторство венгерского романиста, связанное, прежде всего, с необычностью проблематики самого романа, в котором Л. Мештерхази с позиций сегодняшней политики и современного литературоведения трактует древний миф. Таким образом Мештерхази решает для себя чрезвычайно важные политические и этические проблемы добра и зла, благодарности и безответственности, войны и мира, государственной тираннии и борьбы за мир и т.п.

Ключевые слова: венгерская литература XX века, философский мифологический роман, Лайош Мештерхази, Прометей.

Анотація. У статті Александрової О.Н. "Міфологічний роман Лайоша Мештерхази «Загадка Прометей»" (Mesterházi Lajos, справжнє ім'я – Hoefstedter Lajos, 1916–1979; «A Prométheusz – rejtély», 1973) досліджується проблематика роману. У коло розглянутих проблем входять питання традиційності трактування образу Прометей від античності до наших днів і новаторство угорського романиста, пов'язане, насамперед, з незвичністю проблематики самого роману, в якому Л. Мештерхази з позицій сьогоденної політики і сучасного літературознавства трактує древній миф. Таким чином Мештерхази вирішує для себе надзвичайно важливі політичні та етичні проблеми добра і зла, подяки та безвідповідальності, війни і миру, державної тиранії і боротьби за мир і т.п.

Ключові слова: угорська література XX століття, філософський міфологічний роман, Лайош Мештерхази, Прометей.

Summary. In the Article by Alexandrova O.N. under the title «Mythological novel by Lajos Meszterhazi "Prometheus Riddle"» the issues of the novel are explored. The novel of the Hungarian writer of the second half of the twentieth century, Lajos Meszterhazi (Mesterházi Lajos, real name – Hoefstedter Lajos, 1916–1979) «Prometheus Riddle» («A Prométheusz – rejtély», 1973) draws attention of the reading public worldwide. The novelty of the research lies in an integrated approach to the study of the problems of the novel. The circle of the challenges includes the questions of the traditional interpretation of the image of Prometheus, starting with antiquity to the present day, the innovations of the Hungarian novelist associated primarily with the unusual perspective of the novel itself, in which L. Meszterhazi treats ancient myth from the standpoint of nowadays politics and modern theory of literature. Thus, L. Meszterhazi decides for himself extremely important political and ethical issues of good and evil, gratitude and irresponsibility, war and peace, the state of tyranny and the struggle for peace, etc. The article discusses the features of L. Meszterhazi interpretation of the mythological image of titanium Prometheus. Besides, in the works of the writer, who is the member of the Communist Party and the participant of Hungarian Resistance the problems retreat from the traditions of socialist realism and the principle of partisanship are raised. Writer's search is mainly focused on the moral character of a person, her concern are the issues of social morality and ethics, he with their help treats all the major social conflicts of the era of building socialism, his works, in the best sense of the word, are publicistic, saturated with burning issues of the contemporary world.

Keywords: Hungarian literature of the XXth century, a philosophical mythological novel, Lajos Meszterhazi, Prometheus.

Данная статья посвящена исследованию проблематики романа венгерского писателя Лайоша Мештерхази (Mesterházi Lajos, настоящее имя – Hoefstedter Lajos, 1916–1979) «Загадка Прометей» («A Prométheusz – rejtély», 1973).

Актуальность данной статьи определяется тем, что творчество Лайоша Мештерхази, самого известного венгерского писателя второй половины XX века до сих пор привлекает внимание читающей публики во всем мире.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению проблематики романа.

Цель статьи – изучить специфику мифологического романа Лайоша Мештерхази.

При создании своего романа «Загадка Прометей» Лайош Мештерхази воспользовался мифологическим сюжетом о титане Прометее, который взял огонь у богов, принес его людям и дал им ремесла. «Размышляя о событиях древнегреческой мифологии, охватывающих относительно небольшой исторический период, который обозначен автором точно – от 1218 г. до н. э. (освобождение Гераклом прикованного цепями к скале Прометей) до 1194 г. до н. э. (смерти Прометей), – писатель воссоздает социально–исторический фон и политическую атмосферу эпохи» [1, с. 12].

Прометей – в греческой мифологии сын титана Иапета, двоюродный брат верховного олимпийского бога Зевса. «Мать Прометей – океанида *Климена* (Hes. Theog. 507 след.; по другим вариантам – богиня правосудия Фемиды Aeschyl. Prom. 18, или океанида *Асия*, Apollod. I 2,3). Братья Прометей (Hes. Theog. 509–518) – *Менетий* (сброшен Зевсом в Тартар после титаномахии), *Атлант* (в наказание поддерживает небесный свод), *Эпиметей* (супруг Пандоры). Среди детей Прометей *Девкалион* (сын Прометей и Пандоры, Schol. Apoll. Rhod. III 1086), супруг *Пирры* (дочери Эпиметей и Пандоры Apollod. I 7, 2)» [2, с. 450–451].

Тем не менее, из всего разнообразного мифологического материала, для своего романа Мештерхази воспользовался лишь незначительной частью мифа – исследованием судьбы мятежного титана после

освобождения его Гераклом. Писатель признавался, что его всегда интересовало, почему люди забыли о своем боге–просветителе, по сути, боге–демиурге, создавшем человеческую цивилизацию.

И такая постановка вопроса давала возможность писателю с необычного ракурса взглянуть на древнегреческий миф, дать ему новую трактовку, обсудить с читателями многие проблемы этического характера: например, проблему человеческой неблагодарности по отношению к Прометею, в контексте мифологических событий проанализировать многие политические ситуации современного мира.

Мештерхази в предисловии к своему роману, предназначенном для советских читателей признается, что его издавна занимала загадка Прометей: «Просто непостижимо: как это никто и никогда не замечал ее, а если и замечал – как мог о ней молчать?! ... Ведь что–то с ним происходило, это очевидно. Но как, почему мог потонуть в тумане, исчезнуть из памяти его образ и все, что случилось с ним в дальнейшем?!» [1, с. 2–3].

Автор восклицает: «Но в честь Прометей, величайшего благодетеля человечества — это не я его так называю, это признают решительно все на протяжении многих тысячелетий! — в честь Прометей памятников не сооружали и не совершали ему жертвоприношений» [3].

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, писатель с документальной точностью исследует древние мифы, строит свой роман, не просто подражая биографическим и историческим исследованиям. Он рассматривает мифологические события, предшествовавшие троянской войне с точки зрения сегодняшнего исторического и политического опыта, потому что главным для него оказывается все же другой вопрос – почему до сих пор люди воюют, и почему никакими усилиями не удастся избежать военных столкновений. В этом венгерский писатель солидарен с позицией французского дипломата и драматурга Жана–Ипполита Жироду (Giraudoux, Jean Hippolyte, 1882–1944), изложенной в пьесе «Троянской войны не будет» («La guerre de Troie n'aura pas lieu», 1935), где Гектор прилагает поистине титанические усилия в политических переговорах, пытаясь отстоять мир, но война все–таки начинается.

С другой стороны, подвиг Прометей, совершенный во имя мирного труда людей, был предан забвению. Именно в Древней Греции огонь был использован во зло человеку. Писатель «развивает эту тему и доводит ее до логического завершения. Он рассматривает огонь в ряду таких категорий, как ремесла, наука, труд, энергия мирного атома, с одной стороны. А с другой – как зловещий символ разрушения» [1, с. 11].

На первый взгляд, в романе авторская трактовка образа Прометей традиционна: поднимается вопрос сущности его подвига во имя человечества. В известной мере эта трактовка перекликается с трагедией Эсхила «Прикованный Прометей», проникнутой революционным пафосом, где главная заслуга титана заключается в просветительской деятельности.

В романе «Загадка Прометей» мы встречаемся с проблемой соотношения между научным осмыслением мифа и исторических событий, и авторской фантазией, вымыслом, новой интерпретацией мифологических событий. Если бы этот роман был написан в наши дни, то, безусловно, его отнесли бы к разряду фэнтези, нивелировав таким образом его философский потенциал.

Для Мештерхази всегда очень четкой была граница между добром и злом: «Невозможно отражать в искусстве современную жизнь, не затрагивая, хотя бы как фон, исторические события эпохи; нельзя вообразить себе литературного героя, который не занимал бы ту или иную позицию по отношению к событиям. Та неустойчивая, расплывающаяся по всем швам система государственной власти, в которой я родился и вырос, снискала себе оправдание в тысячелетних традициях и в вечных этических принципах», – пишет Мештерхази [4, с. 316].

В советское же время произведение Мештерхази устойчиво классифицировали как роман философский, что позволяло автору избежать многих упреков в несоответствии жестким нормам марксистского литературоведения: «Роман «Загадка Прометей» – интеллектуальная проза с глубокими философскими обобщениями, со всеми свойственными ей стилистическими особенностями. Художественное и идеологическое видение в этом романе едины. Здесь философская концепция определяет характер структуры произведения, где интеллектуализм сочетается с конкретным восприятием окружающего, с напряженным вниманием к повседневному бытию современников» [1, с. 11].

Действительно, в советское время книги Л. Мештерхази, участника движения Сопротивления во время второй мировой войны, коммуниста, трактовали лишь с позиции соответствия его творчества принципу партийности, марксистскому мировоззрению и т.п.

На самом деле, творчество венгерского писателя было гораздо шире границ, устанавливаемых литературой социалистического реализма. Ситуации мифологизированного прошлого и авторская обращенность к современности позволили венгерскому писателю создать совершенно необычный для социалистической послевоенной литературы текст. Мештерхази мастерски переплетает реальную историю и вымысел, мифологические персонажи и сегодняшнюю трактовку политических событий, где мир был четко разделен на два враждебных лагеря, возглавляемых военными блоками НАТО и странами Варшавского договора. По такому же принципу строится древний античный мир в романе: «Самое меньшее, что можно сказать по этому поводу: он (Геракл – О.А.) хотел организовать эолийско–ионийско–дорийскую коалицию против микенской агрессии, против распространения атреизма, во имя защиты независимости трех народов.

Но можно сказать больше и точнее: эта коалиция должна была провалить Пелопидов и самый атреизм.

Пожалуй, различие между тем и другим не слишком велико. Ведь если бы Советскому Союзу удалось создать в тридцатые годы систему коллективной безопасности и общей обороны в Лиге наций, на что и была направлена его внешняя политика, война едва ли разразилась бы и Гитлер, чьи планы были бы сорваны полностью, несомненно провалился бы» [3].

Подобный иронический синкретизм позволил Мештерхази откровенно обсуждать с читателями многие темы, казавшиеся в то время неактуальными или необсуждаемыми по идеологическим причинам: возрождение фашизма, коррупцию, глупость и чванливость партийной верхушки, проблему ответственности каждого отдельно взятого человека за все, что происходит не только в его стране, но и во всем мире. И не удивительно, что большинство из этих вопросов человечество вынуждено решать вновь и вновь.

В этом романе постоянно сочетаются картины, образы, создаваемые творческой фантазией писателя, и действительные исторические события и факты. Нельзя полноценно определить ценность и богатство произведения без его первоосновы – без его национальной самобытности. В конечном итоге, ею определяются особенности художественного и исторического мышления автора.

«Иными словами, речь идет об общественной функции художественного произведения. Через легенду или миф художник, утверждая свое мировидение, стремится уберечь память о прошлом от всяких превратностей судьбы и тем самым словно бы преодолеть время» [1, с. 8].

«Наиболее ярко специфика современного обращения к мифологии проявилась в создании таких произведений, как «романы–мифы» и подобные им «драмы–мифы», «поэмы–мифы»» [5, с. 107]. Одним из таких произведений становится и роман Лайоша Мештерхази.

Представителем партии мира в романе Мештерхази становится любимый сын Зевса Геракл, путешествующий по всему античному Средиземноморью с одной целью – отстоять дело мира, создавая «эолийско–ионийско–дорийскую коалицию». Но, как не удастся защитить свою позицию Гектору в пьесе Жироду, так поражением заканчиваются все усилия Геракла Мештерхази. Более того, злой насмешкой над его пацифистскими политическими убеждениями оказывается даже не тот факт, что в троянской войне участвуют геркалиды – дети Геркала, по сути, предавшие дело отца, втянутые в политическими авантюристами большую политику только потому что «согласно предсказанию богов, без стрел Геракла Троя не могла быть взята» [3].

По сути, Прометей и Геракл оказываются преданными всеми своими единомышленниками. Наиболее ярко это проявляется в образе Тесея, верного спутника и соратника Геракла в юности. После смерти Геракла, постаревший и накопивший политический опыт, ставший царем Тесей оказывается неспособным противостоять соблазнам власти и объединенном натиску политиков всех мастей. В результате он теряет все свои юношеские идеалы, становится циником, мельчает и превращается в обычного, ничем не примечательного политика.

Единственным персонажем, способным противостоять политическим склокам, хотя бы благодаря своему статусу бога, мог бы стать Прометей.

Для Лайоша Мештерхази Прометей оказывается единственным добрым богом, по настоящему добрым, никогда не добивавшимся поклонения или подчинения от людей, никогда людей не запугивавшим, того, кто «дал нам огонь и ремесла только затем, чтобы мы существовали» [3].

Но все–таки в романе Прометей все–таки остается богом, он не может до конца понять людей: они слишком несовершенны, и их недостатки нередко ставят его в тупик. Так он даже не может понять разницу между рабом и принцем, т. е. между не работающим и безработным, он не понимает, зачем люди вооружаются, он не желает участвовать в их политических играх, борьбе за власть, и приходит к выводу о том, что «человек — именно человек! — единственное живое существо, которое уничтожает свой собственный род» [3].

Поэтому Прометей самоустраняется как от людей так и богов. Он, как сторонний наблюдатель, последние свои годы проживает как простой человек, зарабатывающий себе на жизнь своими руками. Но в человеческом обществе такое существование нередко оборачивается прозябанием, отказом от ответственности.

Именно поэтому люди и забывают своего доброго бога. Прометей превращается в истинного мифологического «бога на отдыхе», того бога, который, создав вселенную, покидает ее, забывая о своем детище. Этот персонаж нередко встречается в мифологиях разных народов. Недаром у греков издавна существовало выражение «олимпийское спокойствие», означавшее полное равнодушие богов к судьбам людей.

Все–таки Прометей Мештерхази становится похожим на других богов и бросает своих подопечных на произвол судьбы и их собственных страстей.

И люди, оставшись без присмотра и мудрого руководства активно включаются в политические игры: Геракл играет в «зевсизм», создавая культ своего отца Зевса – «отца народов»; Атрей создает свое государство по националистическому, фашистскому образцу, им создается «если воспользоваться опять нынешней терминологией — националистическая, шовинистическая, империалистическая программа ..., приправленная обычной социальной демагогией»; а друг, соратник и последователь Геракла Тесей правит в Афинах железной рукой и драконовскими методами усмиряет всех непокорных: «Когда недовольства разных сословий — по всем признакам подогреваемые извне Микенами — встречались, государственная власть оказывалась в опасности, и Тесей вмешивался твердой рукой. Рукой, обагрённой кровью. Он убивал, и, сообразуясь с духом закона» [3].

И такая позиция Прометея невозможна для самого Мештерхази, писателя, драматурга, политического деятеля и участника антифашистского Сопротивления, человека, боровшегося с неизлечимой болезнью, прикованного в инвалидной коляске, не опустившего руки и не сломавшегося, бескомпромиссно отстаивавшего свое мнение в условиях жесткой коммунистической цензуры.

По мнению писателя, Прометей не просто благодетель человечества, который дал людям ремесла, он «дал человеку огонь затем, чтобы он стал совершенным» [3].

Пытаясь ответить на политические и исторические загадки античного мифа, Мештерхази, исследуя судьбу Прометея, не соглашается с гесиодовской трактовкой этого образа, где титан предстает обманщиком и покровителем мошенников:

«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах
хитрых!

Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколениям!» [6].

Мештерхази никогда не ставит под сомнение веру в человека, в моральный, духовный, общественный его мир как высшую ценность на земле. Писательский его поиск сосредоточен прежде всего на нравственном облике человека, его волнуют вопросы социальной морали и этики, сквозь них он просматривает и все основные социальные коллизии эпохи построения социализма; его произведения в самом лучшем значении этого слова публицистичны, насыщены жгучей проблематикой современного ему мира.

Поэтому, несмотря ни на что, Прометей не теряет веры в людей, в то, что когда-нибудь люди перестанут бояться богов, и тогда свершится то, чего так страшился Зевс – люди станут равны богам: «однажды человек изобретет громоотвод! Да-да! Ты меня понимаешь?! Громоотвод! И тот человек уже не будет... Тот человек не станет...» [3], – умирая, говорит он Афине, провозглашая, по сути, мечту самого Лайоша Мештерхази, мечту о свободном Человеке, Человеке гордом, бесстрашном, не боящемся даже богов.

Источники и литература

1. Федоренко Н. Вступ. Статья / Н. Федоренко // Загадка Прометея – М.: Прогресс, 1977. – С. 5–22.
2. Мифологический словарь / [под ред. Е. М. Мелетинского]. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. – 735 с.
3. Мештерхази Л. Загадка Прометея [Электронный ресурс] / Лайош Мештерхази; [Роман; Перевод с венгерского Е. Малыхиной]. — М.: Прогресс, 1977. – 379 с. – Режим доступа: http://RoyalLib.ru/author/meshterhazi_layosh/zagadka_prometeya.html.
4. Мештерхази Л. Беру слово: / Лайош Мештерхази ; [Перевод с венгерского / сост.и авт. Коментарий Ю. П. Гусев и Е. Е. Львова; Предисл. Ю. П. Гусева]. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
5. Нямцу А. Е. Миф и легенда в мировой литературе: теоретические и историко-литературные аспекты традиционализации / Анатолий Евгеньевич Нямцу. – Черновцы: ЧГУ, 1992. – 160 с. Ч.1. – Черновцы: ЧГУ, 1992. – 160 с.
6. Эллинские поэты [Электронный ресурс] / М.: Художественная литература, 1963. – 408 с. (серия Библиотека античной литературы). Режим доступа: www.ae-lib.org.ua/texts-c/hesiod_opera_et_dies_ru_htm

Бойкарова Л.Р.

УДК 821.161.2 – 2.029

КОНЦЕПЦІЯ ТРАГЕДІЙНОГО В П'ЄСІ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА

«ПРОРОК»

***Анотація.** У статті розглядається концепція трагедійного у п'єсі Володимира Винниченка «Пророк». Трагедійність цієї загадкової п'єси полягає у руйнації ілюзій, у нездатності співвіднести власні можливості з намірами та передбачити наслідки своїх дій. Найголовніша лінія в п'єсі – випробування пророка: він Бог чи людина. Володимир Винниченко, перейнятий ідеєю перевірки людини в екстремальних умовах, ставить і пророка Амара в ситуації крайньої напруги, коли неминуче має виявитися його сутність. Людина взяла на себе обов'язок пророка, щоб зроби́ти життя краще, щоб люди переосмислили своє мирське. Але пророку не вистачило самої віри в те, що він робить. Амар – це глибоко-трагічна постать, духовні пошуки якої завершуються повним крахом і втратою ілюзій Відтак пророк виявляється неспроможним виконати свою місію. П'єса перейнята драматичними напруженими роздумами драматурга над величи́стю й малістю світу й людини, що спонукає нас до відчуття таїни, правди й брехні, непримиренності різних рівнів свідомості.*

***Ключові слова:** пророк, концепція трагедійності, трагічна постать, п'єса, місія.*

***Аннотація.** В статті рассматривается концепция трагедийного в пьесе Владимира Винниченко «Пророк». Трагедийность этой загадочной пьесы заключается в разрушении иллюзий, в неспособности соотносить собственные возможности намерениями и предусмотреть последствия своих действий. Самая главная линия в пьесе – испытание пророка: он Бог или человек. Владимир Винниченко, преисполнен идеей проверки человека в экстремальных условиях, ставит и пророка Амара в ситуации крайнего напряжения, когда неминуче должна оказаться его сущность. Человек взял на себя труд пророка, чтобы сделать жизнь лучше, чтобы люди переосмыслили свое мирское. Но пророку не хватало самой веры в то, что он делает. Амар – это глубоко трагическая фигура, духовные поиски которой завершаются полным крахом и потерей иллюзий. Следовательно пророк оказывается несостоятельным выполнить свою миссию. Пьеса проникнута драматическими напряженными размышлениями драматурга над величи́ем и малостью мира и человека, который побуждает нас к ощущению таинственности, правде и лжи, непримиримости разных уровней сознания.*